

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И — главное! — чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская — непревзойденный мастер интриги. Ей удается придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные сто-

роны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас — читателей — по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь — и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива — здесь в самый раз всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

23 ноября, четверг

Вадим Коряшев думал о Кате. Ни к чему хорошему эти мысли привести не могли: у него была вполне благополучная семья, и он не собирался заводить молоденькую любовницу. Да и девчонка едва ли обрадуется, если он начнет оказывать ей знаки внимания.

Он думал о Кате, потому что не хотел думать о Никите Алфёрове.

Взять Екатерину Базутину на работу его попросил коллега из смежного ведомства. «Девочка старательная, — говорил он. — Пусть подучится». Коряшев слабо представлял, чему может подучиться молодая аспирантка в министерстве. Разве что бумаги перекладывать. Девчонка была Коряшеву даром не нужна, но отказывать знакомому он не стал, поскольку давно взял за правило людей ценить и не обижать. Неизвестно, кто и как может пригодиться в дальнейшем.

Аспирантка оказалась девочкой тихой и скромной, однако за прошедший год ухитрилась стать для Вадима поистине бесценной помощницей.

А в последнее время он стал ловить себя на том, что ждет встреч с Катей и волнуется при этом, как мальчишка.

Тихий двор, почти в самом центре, давно перегородили шлагбаумом. Вадим поставил машину на обычное место, у подъезда задержался, посмотрел на детскую площадку, ища глазами сына, но не нашел и открыл дверь.

Метнувшуюся справа тень он заметил с опозданием, но все-таки заметил: помогли годы занятий борьбой. Вадиму показалось, что разум отключился полностью, остались только привычные движения, которым когда-то учил тренер, знакомое напряжение мышц. Человека, горло которого Вадим сжал в удушающем захвате, он не разглядел — на лестничной площадке было темно. Зато хорошо разглядел нож, которым незнакомец пытался до него дотянуться.

Схватка оказалась короткой. Где-то наверху хлопнула дверь, зашумел лифт. Нападавший вывернулся, оттолкнул Вадима и бросился вон.

«Я мог пропустить удар, — отстраненно отметил Вадим. — Он запросто мог меня убить».

Испугаться в момент нападения он не успел, да и сейчас страха не чувствовал. Ужас накатил через секунду, когда Вадим осознал, что в подъезд мог войти его сын Пашка, а защитить мальчишку было бы некому.

Лифт остановился, вышла соседка и ласково ему улыбнулась.

— Добрый вечер, Вадик!

— Добрый вечер, — кивнул Вадим.

Внезапно он понял, что подняться по лестнице не сможет — не осталось сил. А потому посторонился, пропуская женщину, и тяжело оперся о стену. Немного постоял, дожидаясь, пока соседка выйдет из подъезда, и лишь тогда нажал на кнопку вызова лифта.

Это Алфёров, больше некому.

Других врагов у Вадима не было.

Геля давно «капала на мозги», требуя купить квартиру в каком-нибудь элитном доме, а он сопротивлялся, поскольку кирпичная пятиэтажка его вполне устраивала. Расположен дом отлично — у самого Бульварного кольца. И даже лифт есть, хотя и не очень-то он нужен, когда квартира на втором этаже! Вадим привык к этому

дому и к своей квартире и ничего другого не хотел. Он даже к соседке, которая по привычке зовет его Вадиком, привык. Мало кто теперь зовет его — успешного взрослого мужчину — Вадиком.

Вадим вышел из лифта и отпер дверь. На какое-то мгновение ему опять стало страшно: показалось, в квартире стоит могильная тишина и он сейчас обнаружит нечто ужасное.

— Вадим! — вышла в прихожую Геля.

Он поцеловал жену, отложив объятия «на потом» — он же с улицы, в куртке, а Геля только недавно избавилась от простуды.

— Пашка дома?

— Конечно, — удивилась жена. — Где же ему еще быть? Уже девятый час.

Заглянув в детскую, Вадим увидел сына — Пашка лежал на кушетке с книжкой.

— Привет, пап!

— Привет, — отозвался Вадим, проходя в комнату и присаживаясь рядом. — Как дела?

— Нормально.

— Отметки какие?

— Как обычно.

Вопрос дежурный и ненужный — учился Павел лично.

— Ну а просто так? Что новенького?

— Ничего.

Видно было, что мальчишке не терпится вернуться к книге. Вадим глянул на обложку — сын читал «Приключения Незнайки». В сотый, наверное, раз. Вадим поднялся, потрепал Пашку по волосам и вышел из комнаты.

— Вадик, ужинать будешь? — крикнула из кухни Геля.

— Буду, — ответил Вадим. У него вдруг прорезался зверский аппетит.

Заговорить о важном он решился, только когда ужин был съеден. То есть это Вадим ел свой ужин — большой кусок мяса с гречкой, которую он страсть как не любил, но Геля считала панацеей от язвы желудка или от какой другой хвори, а жена просто сидела напротив и ласково на него смотрела.

— Геля, — помешивая чай, спросил он. — У нас в подъезде камера есть?

— Что? — не поняла Геля.

Жена хорошела с каждым годом. Тонкие черты лица, красивые густые локоны, точеная фигурка. Конечно, за девочку ее уже не примешь, но зрелая красота казалась безупречной.

— Камера видеонаблюдения у нас в подъезде есть?

— Ка-а-а-мера? — протянула Геля и насторожилась. — Вообще-то есть. Но, по-моему, она не работает. А почему ты спрашиваешь?

Тут Вадим и сам вспомнил: работающей камеры точно не было, он бы наверняка заметил огонек — он такие вещи отмечает машинально.

— Так просто, — заверил жену Вадим.

Наверное, он ведет себя неправильно. Наверное, нужно немедленно звонить в полицию.

Он бы так и сделал, если бы речь шла не о Никите Алфёрове.

24 ноября, пятница

Неудачная шутка Леси Магулкиной стала последней каплей, настроение у Кати испортилось окончательно. И так-то радоваться было особенно нечему — у Саши опять возникли свои планы на выходные, и ее ждали два пустых тоскливых дня.

— Совсем забыл, — позвонил утром Саша. — У Кольки завтра день рождения, он на дачу зовет. Хочешь, поедем вместе?

— Не хочу, — отказалась Катя.

Она несколько раз сопровождала бойфренда на сиделки со старым другом. Терпеливо и молча сидела за столом, каждый раз боясь невзначай скончаться от скуки. Друг Коля будто вовсе ее не замечал, хотя много говорил и громко смеялся. И Катя с трудом дожидалась окончания очередной встречи.

После Сашиного звонка захотелось плакать. Плакать она, конечно, не стала, но по дороге на работу все время убеждала себя, что вполне счастлива и Саша женится на ней, как только она ему на это намекнет. Конечно, женится! Он же очень хорошо к ней относится!

Просто обстоятельства сложились так, что им удобнее жить врозь. Саша много работает и снимает жилье совсем рядом со своим офисом. Добирается от дома до работы минут за десять. На самокате или на велосипеде. В зависимости от настроения. У него нет возможности тратить каждый день по полтора часа на дорогу, а именно столько ехать из Катиного района до его офиса. А Кате сложно оставаться у него, потому что в этом случае мучительно долго добираться до работы придется уже ей.

В ее жизни все очень хорошо, выходные они почти всегда проводят вместе. Ну, кроме завтра и послезавтра. И что с этим делать, совершенно непонятно.

Вадима Михайловича Коряшева она заметила у самой проходной и пошла медленнее, чтобы не оказаться с ним в одной кабине лифта. Рядом с этим мужчиной ее бросало то в жар, то в холод, а то она замирала, как истукан, и вообще казалась самой себе полной дурой. И хорошо, если только себе, а не окружающим.

Встречи с начальником в лифте удалось избежать. Катя поднималась с какими-то командированными, шумными и неуловимым образом отличавшимися от москвичей.

Оказавшись в кабинете, она сразу же включила компьютер, и время до обеда пролетело незаметно.

— Привет, — заглянула в дверь Леся Магулкина. — Обедать пойдешь?

— Ой, уже обед! — удивилась Катя. — Не жди меня, я кое-что хочу закончить.

— Как хочешь, — усмехнулась Леся. — Иди попозже. Может, Коришева встретишь.

Леся не хотела ее обидеть, она просто пошутила. Коллега обладала острым языком, но злючкой при этом не была и считалась Катинной подругой. Надо было ответить. Тактично, но решительно дать понять: все эти инсинуации не имеют под собой никаких оснований. Однако Катя промолчала. Только идти в столовую расхотелось начисто. Она вовсе не искала встреч с Коришевым. Наоборот, старалась начальника избегать.

Прогуляюсь, решила девушка. Заставила себя закончить сводную статистическую таблицу, надела куртку и отправилась навстречу холодному осеннему ветру. Но силы природы Катя явно недооценила — в какой-то момент порывистый ветер чуть было не швырнул ее прямо на стену здания. И в тот же миг она почувствовала, как кто-то крепко сжал ее локоть.

— Привет, — сказал Вадим Коришев.

— Здравствуйте, — смущенно пробормотала Катя.

Руку начальник отпустил, нахмурился и кивнул на ближайшее кафе:

— Зайдем?

Катя вздохнула. Хорошо, Леся их не видит. Впрочем, иногда ей казалось, что в радиусе километра вокруг офиса глаза и уши имеют и стены.

Стоять на ветру было холодно. И Корышев осторожно подтолкнул ее к дверям кафе. Но безо всяких намерений на то, что за границей сочли бы сексуальными домогательствами.

Катя взялась было за массивную деревянную ручку, но начальник ее опередил, открыл дверь и подождал, пока она войдет первой.

Летом они с Лесей часто сюда заходили: ели мороженое и сплетничали о сослуживцах. Сейчас мороженое было «не по погоде», а потому Катя заказала кофе и два бутерброда с форелью и зеленым салатом — вместо обеда.

— Мне то же самое, — равнодушно бросил Корышев официантке.

Неожиданно он начал себя вести как Сашин друг Коля. Словно перестав Катю замечать, барабанил пальцами по столу и сосредоточенно думал о чем-то своем.

— Я составила таблицу, — сказала Катя, лишь бы хоть что-то сказать.

— А-а, — протянул он. — Спасибо.

С некоторым удивлением начальник посмотрел на Катю. Не то насмешливо, не то грустно.

— Мерзкая погода... — проямлила еще сильнее смутившаяся девушка.

— Погодка не радует, — согласился он.

Странный разговор, очень странный. Нужно постараться, чтобы придумать что-то глупее этого разговора.

Больше Катя не пыталась вести светскую беседу. Выпила кофе, съела свои бутерброды. Корышев расплатился с официанткой и, выходя из кафе, снова не забыл открыть перед Катей дверь.

А дальше случилось... Впрочем, самой Кате дальнейшего запомнилось плохо. Кто-то сильно толкнул ее на грязный асфальт, и она даже испугаться толком не успела, просто подумала, как же ей возвращаться на работу

в испачканных куртке и брюках, будто бомжика какая. А про хлопки она вспомнила, только когда ее расспрашивала полиция. Вроде бы хлопки были.

К счастью, прохожие на инцидент тоже практически не обратили внимания. Толпы зевак не собралось. Только две пожилые дамы заахали около барахтающейся на асфальте Кати, а какой-то сознательный парень сразу бросился звонить в полицию.

Первым опомнился Коряшев. Рывком поднял девушку и начал ощупывать, и вот это, при желании, уже вполне можно было счесть сексуальными домогательствами. И все повторял, с испугом заглядывая ей в глаза:

— Кать, ты как? Ты как, Катя?

— Нормально, — буркнула Катя и отбросила его руки.

Не хватало еще обниматься с чужим мужиком на глазах у любопытной публики.

Она действительно совсем не испугалась. Страх пришел поздним вечером, когда она наконец приехала домой. Испугалась, потому как поняла: вовсе не ее хотели убить, в нее некому, а главное, незачем стрелять. Убить хотели ее начальника Вадима Михайловича Коряшева.

Школа находилась близко от дома. Минутах в десяти, если идти пешком, но Геля всегда отвозила Павлика на машине. Никто не помнил, почему появилось такое правило, но правила Геля старалась соблюдать.

Взбежав на крыльцо школы, Павлик обернулся, помахал ей рукой. Геля помахала в ответ. Дождалась, когда сын исчезнет за массивной дверью, вздохнула и тронулась с места.

Возвращаться домой не хотелось, но до встречи со Славой оставалось еще почти два часа, а торчать одной в съемной квартире Геле не хотелось еще больше.

Квартиру Слава снял три года назад специально для их встреч. То есть для особых встреч. Просто так им ничто не мешало встречаться хоть каждый день, поскольку Славка был генеральным директором фирмы, которая стопроцентно принадлежала Ангелине.

Геля никогда себя не обманывала: ее никто не завлекал и не соблазнял, она сама сделала Вячеслава Ротнева своим любовником.

Приехала как-то в офис и увидела у входа в здание Ротнева с какой-то девицей. Девушка смеялась, заглядывая Ротневу в лицо, и он тоже смеялся. Смотреть на чужое веселье было неприятно. Когда-то она тоже заливисто хохотала вместе со своим бывшим женихом, но никогда не смеялась *так* рядом с Вадимом. Рядом с Вадимом она была идеальной женой и идеальной матерью. В ее жизни все было благополучно и правильно, но в тот момент Геля незнакомой девушке позавидовала. Сначала позавидовала, а потом совершила самую большую ошибку в своей жизни.

Тогда она подошла к парочке, но *ей* наемный директор даже не улыбнулся. Хмуро смотрел себе под ноги, будто видеть Ангелину ему до смерти не хотелось. Впрочем, возможно, так и было. Ангелина в делах фирмы не разбиралась, а знать хотела обо всем.

Фирму Геле передал Вадим, когда перешел на работу в министерство. Сначала хотел совсем ее продать, но Геле очень хотелось стать деловой женщиной. Она ни о чем мужа не просила, он сам угадал ее желание и радовался, что сумел доставить ей большое удовольствие. Он тогда часто стремился доставлять Геле удовольствие. Хотя, сказать по правде, ничего, кроме головной боли, фирма не приносила. Доходы крошечные, да и направление деятельности было слишком тесно связано с тем, чем занимался Вадим в министерстве, а это могло вызвать интерес соответствующих органов. Геля в делах

фирмы не понимала ничего, но генеральный директор Слава Ротнев и консультировался всегда с Вадимом, а не с ней. Никогда не заключал новых договоров, не показав их Вадиму.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась Геля.

— Здравствуйте, — ответил сразу посерьезневший Слава, а девица виновато улыбнулась и, пробормотав что-то невразумительное, заспешила в сторону метро.

— Жена? — усмехнулась Геля, глядя девушке вслед. — Или любовница?

— Жена, — кивнул директор.

Ангелина быстро на него посмотрела. Он опустил глаза, снова на нее взглянул, снова опустил, а потом смотрел не отрываясь.

Тогда они больше ничего не сказали друг другу.

И без слов все было ясно.

Она предложила ему себя, и он согласился.

Геля в тот момент казалась самой себе веселой ведьмой, и в этом было нечто манящее и опьяняющее.

Она предложила, потому что Корушев уходил рано и приходил поздно, в выходные они возились с ребенком, а лучшие годы уходили в никуда.

А еще потому, что почувствовала уверенную спокойную радость Славкиной жены и позавидовала этой радости. Сильно позавидовала.

Почему согласился Слава, Ангелина не понимала до сих пор.

Въехать во двор мешала незнакомая «Ауди». Геля негромко посигналила, автомобиль сдал назад.

Ангелина оставила машину у подъезда, поднялась в квартиру. Посуду ни муж, ни сын убрать за собой не удосужились. Она сунула тарелки и чашки в посудомойку, нажала на кнопку, послушала, как зашумела вода.

Больше делать было решительно нечего. Геля внимательно посмотрела на пол, заметила под столом ко-

мочек пыли, подняла, бросила в мусорное ведро. Прикинула, не вызвать ли на сегодня уборщицу из фирмы, куда обычно обращалась за такими услугами, и решила подождать до понедельника. Сегодня лучше подольше побыть со Славой.

Почувствовать на себе его руки захотелось сейчас же, немедленно. Ангелина обняла себя за плечи, замерла. Она часто мучилась от стыда и часто обещала себе прекратить эту связь немедленно, но время шло, а любовник оставался любовником.

В последнее время она начала ловить себя на том, что дико его ревнует. А сначала казалось, будто Слава ничего для нее не значит.

В первый раз было даже противно, и Геля пообещала себе, что первый раз окажется и последним. Но... Потом ей опять захотелось побыть ведьмой.

Вадим ничего не замечал. Но он вообще мало ею интересовался. Равнодушно целовал, уходя и возвращаясь, продолжал все так же смотреть в планшет за едой, а разговоры у них обычно крутились вокруг Павлика. Вадиму было неинтересно слушать истории про ее подружек, а Гелю мало интересовало происходящее у него на работе.

А ей так хотелось, чтобы Вадим вспомнил, какая красавица у него жена. Чтобы понимал — Геле дефицит мужского внимания не грозит и ему стоит ценить ее верность. Хотелось, чтобы он слегка ее ревновал, а она бы смеялась над его ревностью.

Однако разводиться Ангелина не хотела. Ни при каких обстоятельствах.

Время тянулось медленно. Она включила тихую музыку, полежала, разглядывая мутное небо за окном. Наконец не выдержала и отправилась на свидание раньше назначенного часа.

Оказалось, Слава приехал еще раньше. Застать его в квартире Геля никак не ожидала, и в первый момент, когда поняла, что замки отперты, озадаченно замерла.

— Славик! — толкнула она дверь и вошла в темную прихожую. Вот чертова погода, даже днем в квартире темно!

— Привет, — Слава вышел из комнаты, прижал ее к себе, потерся щекой.

— Ты почему сидишь в темноте? — Геля сняла пальто, повесила в шкаф.

— Так. Тебя ждал.

— Сегодня можно побыть подольше, — шепнула она, утыкаясь ему в плечо. — Павлика мама заберет.

— Не получится, — Слава легонько отстранился. — Я на два часа назначил совещание.

— Перенеси, — попросила Геля. — Позвони и перенеси.

Уходить отсюда всего через два часа ей никак не хотелось. Она уже чувствовала жар, поднимающийся откуда-то снизу, от живота, и хотела думать только о том, как этот жар накроет сейчас их обоих и они останутся одни в бесконечной чужой вселенной.

— Не могу, — шепнул Славик. — Партнеры из «Сименса» должны приехать.

Хотя и он испытывал схожие ощущения, Геля это чувствовала, потому что губы его сделались горячими, а руки жесткими. Она еле слышно застонала.

Потом, когда Слава торопливо одевался, ее потянуло в сон. Тихо хлопнула дверь, Геля повернулась набок, закрыла глаза и незаметно задремала. Проснулась она в почти полной темноте. Со страхом посмотрела на часы, лихорадочно соображая, чего бы такого соврать Вадиму, но шел только пятый час, и она с облегчением откинулась на подушки. Врать не придется, обстоятельства складываются в ее пользу.

Вадим вышел из отделения полиции около восьми часов вечера. Можно было уйти и раньше, сославшись на шок от пережитого, но ему хотелось разом покончить со всеми формальностями. От расспросов полицейских все равно никуда не денешься.

Он огляделся. Прохожих на улицах почти не было — погода для прогулок казалась не слишком подходящей, а расширенные по воле мэра, но неизвестно, за какой надобностью, тротуары сейчас казались насмешкой.

Дул порывистый холодный ветер. Наклонив голову, Вадим побрел к ближайшей станции метро. Несколько раз он оглянулся, хотя и понимал, что Катю не увидит. Подумал было: «Надо перед ней извиниться», — но тут же понял, насколько это нелепо. «Извините, это из-за меня вас случайно чуть не убили». Как-то так?

Он не представляет, кто мог в него стрелять, убеждал Вадим парней из полиции. И действительно не представлял. Сейчас он уже сам не понимал, почему связал вчерашнее нападение с Никитой Алфёровым.

Когда-то давно между ними произошёл конфликт. Вадим прикинул — прошло десять лет, не меньше, все уже в прошлом.

Про вчерашнее нападение он рассказывать не стал. Во-первых, просто не видел связи между этими двумя... происшествиями, а во-вторых, пришлось бы объяснять, почему не вызвал вчера полицию. Черт его знает, почему он не вызвал полицию!

Вообще-то, если бы не вчерашнее, целью неизвестного убийцы стоило считать его сотрудницу Катю. Или кого-то еще, не имеющего к ним отношения. Хотя никого, кроме них, у входа в кафе не было.

У входа в метро толпился народ. Вадим обошел компанию молодежи, весело щебечущей на холодном ветру, спустился на платформу. Поезд подошел быстро, он во-

шел в полупустой вагон и, глядя в собственное отражение в темном окне, задумался.

Два события, вчерашнее и сегодняшнее, просились в одну цепочку, но могли оказаться и просто случайным совпадением. Невероятным случайным совпадением.

«Я разберусь», — пообещал себе Вадим. Разбираться придется, помирать в сорок лет он не собирался.

В метро он отогрелся, но, когда вышел на своей станции, сила ветра увеличилась многократно. Будто ветер специально поджидал Вадима, копя эту силу и желая за что-то неведомое отомстить ему.

Сегодня свет в подъезде горел. Вадим оглядел закуток справа от входа, нашел глазами камеру видеонаблюдения. Огонек на камере не горел, но, даже если бы камера работала, зафиксировать прячущегося в закутке человека не удалось, поскольку объектив был направлен на площадку перед лифтом.

Он поднялся на несколько ступенек, посмотрел на потолок. Лампочка была ввернута в патрон безо всякого плафона. Раньше Вадим не обращал внимания на плафоны в подъезде, но они наверняка были. Жильцы в их доме сплошь люди приличные, да и не из самых бедных.

Получалось, поджидавший его вчера незнакомец с ножом заранее побеспокоился о том, чтобы на первом этаже не было света. Но могло оказаться и так, что светильник разбился при каких-то других обстоятельствах, а нападавший — просто случайный грабитель, удачно зашедший в темный подъезд. То есть неудачно, раз уж Вадим не дал себя ограбить.

Во всяком случае, именно это событие помогло ему спасти Катю. Он вовремя заметил тормозящую грязную машину, толкнул девушку и упал на нее сверху. Это произошло само собой. Вроде про незнакомца с ножом он

тогда совсем не думал, но, как оказалось, инстинкт выживания был запущен вчерашним нападением.

Вадим начал подниматься по лестнице, на ходу доставая ключи из кармана куртки.

— Вадик! — ласково улыбнулась Геля, выскочив из кухни.

Жена радовалась ему и словно светилась изнутри, а он почему-то почувствовал себя виноватым. Наверное, потому, что очень хотел побыть один.

— Привет, — сказал Вадим, вешая куртку.

— Ужинать будешь? — Геля прильнула к нему.

Он чмокнул жену в лоб и легко отстранил.

— Слушай, тут такое дело... — он сел на пуфик, скинул ботинки, сунул ноги в тапочки. — Паша дома?

Зря он подумал на Никиту. Чуть это! С ножом и пистолетом Алфёрова Вадим представить не мог. Не потому, что бывший друг был большим противником насилия. Нет, конечно. Они все офицеры запаса, военная кафедра в вузе была, и держать оружие в руках им приходилось.

Просто не Никитино это — нападать вот так, из-за угла.

Впрочем, за десять лет Алфёров мог измениться.

— Павлик сегодня у мамы, — нахмурилась Геля. — Я же тебе говорила. Мама забрала его на эти выходные.

Жена расстраивалась, когда он пропускал мимо ушей ее слова.

— А, да... вспомнил... — рассеянно протянул Вадим.

Теща забирала внука на выходные примерно раз в месяц. Раньше для них с Гелей такие выходные превращались в праздник. А теперь стали самым скучным временем.

— Так будешь ужинать?

— Геля, в меня сегодня стреляли. Думаю, менты захотят с тобой поговорить...

О Кате он не упомянул, а про все остальное рассказал. И о вчерашнем происшествии в подъезде тоже смолчал.

— Вадик, — Геля побледнела, слушая его недолгий сбивчивый рассказ, — ты уверен, что стреляли именно в тебя? Ты не мог оказаться в том месте просто случайно?..

— Мог, — кивнул Вадим. — Думаю, так и было.

— Вадик...

Вадим прижал Гелю к себе, порадовавшись про себя тому, как сильно она его любит, и заверил:

— Все нормально. Это какое-то... недоразумение.

— Во сколько это было? — зачем-то спросила жена.

— В два, — сказал Вадим. — Ровно в два.

Ужинать ему не хотелось, но он покорно сел за стол. Впрочем, после того, как он допил оставшуюся с незапамятных времен водку, аппетит появился.

25 ноября, суббота

Трели, издаваемые мобильным телефоном, Катя слышала, только когда выключила пылесос. Пылесосить квартиру необходимости не было, пол был чистым, но чем-то же надо себя занять.

— Привет! — схватила Катя трубку.

— Ты чего запыхалась? — с подозрением спросила Леся.

— Квартиру пылесосу.

— А... Слушай, вы куда вчера с Коришевым пропали? Мне-то все равно, а народ заметил. До него начальство пыталось дозвониться, а телефон не отвечал. И ты тоже... Комп не выключила. Хоть бы предупредила. Я же беспокоюсь! Весь вечер тебе звонила!

Проверить телефон Катя догадалась только утром. Оказалось, после визита в отделение полиции она забыла выйти из бесшумного режима. Как результат — куча непринятых звонков.

— У меня с Корушевым ничего нет, никогда не было и никогда не будет! — прошипела Катя. — И слушать твои сплетни я больше не буду!

— Ну не злись, — пошла на попятный Леся. — Я ничего такого не хотела. Где ты была?

— Подожди, — Катя поудобнее устроилась на диване. — Сейчас расскажу. Только ты сядь, а то упадешь. И вот что... Еще один намек, и я...

Что она сделает с подругой, Катя не представляла, но угроза подействовала.

— Да ладно тебе! Я же шучу!

— Я вчера обедать не пошла. Захотелось пройтись, и я вышла на улицу. И как назло, Корушева все-таки встретила! — Катя сделала паузу, но Леся благоразумно промолчала. — В него стреляли!

— Как это? — не поняла подруга.

— В него стреляли из машины. Около кафе, куда мы с тобой летом ходили мороженое есть.

— Попали?! — с интересом спросила Леся.

— Нет. Не попали и скрылись.

Леся задумалась, переваривая информацию.

— А потом, сама понимаешь... Я весь вечер в полиции проторчала.

— Ничего себе! А за что его?..

— Понятия не имею!

— Слушай! Может, не в него целились? Там же всегда народу полно.

— На этот раз поблизости никого не было. Леся, стреляли в него. И полиция так же считает. Они этого прямо не сказали, но я поняла. Только ты никому не говори, ясно?

— Да ясно, ясно! — несмотря на всю свою язвительность, сплетницей Леся никогда не была. И тут же спросила: — С работой ведь это никак не может быть связано?

— Не может, — подтвердила Катя.

Корышев не контролировал денежные потоки. Не принимал решений по тендерам. Начальство его мнение ценило, ему даже министр однажды большую премию выписал, но за это не убивают.

— Кать, ты только не злись...

— Что? — насторожилась Катя.

— Может... это Саша?

— Ты спятила?! — задохнулась от возмущения Катя. — Это же бред полнейший! С какой стати Сашке стрелять в моего начальника? Которому до меня дела нет, а мне до него! Это только тебе такая чушь могла в голову прийти! А мой... а Саша нормальный!

Саша нормальный и очень хороший. Жаль только, слово «друг» Кате в последнее время трудно выговорить.

— Ну не злись! Это я так... Версии перебираю.

Катя тоже со вчерашнего дня пыталась перебирать версии, но из этого ничего не вышло. Версий не было. Ни одной.

Подруга повздыхала и простилась. Катя еще посидела на диване и отправилась убирать пылесос в шкаф.

Катю и Корышева абсолютно ничего не связывает, кроме работы. Абсолютно ничего! Корышев не приглашал ее провести вместе вечер, не пытался проводить до дома и даже не затевал разговоров, не относящихся к работе. Просто однажды она заметила, как он на нее смотрит. Необычно, не как все. А скорее всего, дело было не в нем, а в ней. Это же ей становилось не по себе рядом с начальником. Но Катя со своим неясным томлением старалась бороться. И даже успешно, между прочим.

Никто, кроме Леси, странностей в ее поведении не заметил.

Телефон опять зазвонил. Увидев номер абонента, Катя почувствовала, как холодеют руки.

— Здравствуйте, Вадим Михайлович, — сказала она.

— Привет! — нарочито весело ответил Корышев и сразу же перешел к извинениям: — Ты извини, Катя. Мне жаль, что я втянул тебя...

— Ничего страшного, — перебила начальника Катя, хотя в детстве ее учили никогда никого не перебивать. — Вы не по своей воле это сделали...

— Ты не очень испугалась?

— Не очень, — заверила Катя.

В трубке слышался шум. Наверное, начальник шел по улице. Не хочет звонить молодой сотруднице при жене. Ну и правильно! Их с Катей ничто не связывает, но беспокоить понапрасну жену незачем.

— Катя, я обязательно разберусь с этим... происшествием.

— Не сомневаюсь.

Корышев умный мужчина. И Катя действительно не сомневалась — он разберется.

— Ты правда не испугалась?

— Правда, — вздохнула Катя.

И неожиданно поняла, что ей тоже очень хочется разобраться со вчерашним происшествием. Конечно, Саша в Корышева не стрелял. Это она знает точно. Саша не будет стрелять ни в Катю, если она решит его бросить, ни в ее нового возлюбленного. Наоборот, пожелает ей счастья и успехов, немного погрустит, а потом всегда будет поздравлять ее с Новым годом и днем рождения. Такие вот они друзья!

Впрочем, это она просто злится на Сашу. Во-первых, он проводит выходные не с ней, а во-вторых, так и не удосужился предложить ей руку и сердце.

26 ноября, воскресенье

Геля вела себя безукоризненно. Не мучила его вопросами относительно случившегося и старательно делала вид, будто ничего особенного не произошло, но Вадим чувствовал себя виноватым настолько, что хотелось сбежать из дома. Было стыдно: у него прекрасная заботливая жена, а он ее не ценит.

— Как ты думаешь?.. — наконец осторожно начала Геля.

— Я ничего не думаю! — резко ответил Вадим. — Нет у меня врагов, которым нужно меня убивать! И ты это знаешь.

Тут ему захотелось рассказать про Катю. Так сказать, изменить показания: стреляли, мол, в сотрудницу, а он по воле злого рока просто оказался рядом. Но было уже поздно. Пришлось бы объяснять, почему не сказал раньше.

А почему не сказал раньше, он и сам не знал.

То есть знал. Потому что в последнее время думал о Кате постоянно.

Впервые он выделил ее из массы окружавших его женщин, когда они готовили справку для министра. Задача была сложной, почти неразрешимой — нужно было показать, что в отрасли все обстоит если не отлично, то, по крайней мере, не катастрофически плохо. Они справились. Выбрали удачные кварталы для сравнения, нашли удачные показатели, не упомянув о неудачных, и бумагу в итоге подготовили неплохую.

Катя положила ему на стол последний вариант документа и еле заметно улыбнулась. И он тоже улыбнулся. И неожиданно почувствовал, что эта чужая, почти незнакомая женщина понимает его без слов.

Это было забавно и почему-то приятно. Но тогда он

сразу же о Кате забыл. Не то до следующей справки, не то до какой-то еще срочной бумаги.

Все происходило постепенно, а потом Корышев неожиданно поймал себя на том, что постоянно думает о Екатерине Базутиной. Случилось это так: идя по коридору к своему кабинету, Вадим заметил Катю — девушка стояла у окна и разговаривала по мобильному телефону. Поворачивалась к окну, делала пару шагов в сторону, снова отворачивалась. Он хотел поздороваться, кивнул ей, но Катя начальника не заметила. Она говорила увлеченно и улыбалась, и снова поворачивалась к окну. Вадим отпер кабинет, задержался в дверях, но Катя в это время смотрела в окно.

Вадим тогда бросил бумаги на стол, усевшись в кресло, поводит мышкой, пробуждая компьютер, а потом не утерпел и снова выглянул в коридор. Базутиной у окна уже не было. Он даже не сразу понял, отчего в душе у него сделалось как-то пусто.

Все это было глупо и ненужно. Вадим знал, что семью никогда не бросит. Он очень любил Пашку и Гелю, и семья была важной частью его самого.

А заводить молодую любовницу казалось подлостью по отношению ко всем. Да Катя и не согласилась бы.

— Вадик! — Геля подошла сзади и обняла его за плечи. Вадим сидел в кресле и вертел в руках планшет. — Выходные проходят... Жалко.

— Жалко, — поддакнул он, поймал Гелину руку, поцеловал.

— Позвонить маме, чтобы привезла Павлика?

— Я сам привезу, — решил Вадим, поднимаясь.

Нужно осторожно велеть жене никуда не выпускать сына одного. У Вадима внезапно перехватило дыхание от страха: если с сыном что-то случится... Пока он не разберется с этими... происшестввиями, с Павлом постоянно должен кто-то быть.

— Сам? — озадаченно спросила Геля. Ей не хотелось отпускать Вадима, они ведь и так мало видятся.

Впрочем, все нормальные работающие люди мало видятся. Только в выходные да по вечерам.

— Я быстро, — успокоил жену Вадим.

Как ни странно, машин на улицах оказалось много. Прежде он не помнил воскресных пробок, разве что перед самым Новым годом, когда публика массово покупает подарки.

Теща попыталась усадить его обедать, но Вадим отговорился делами. Перекинулся с ней парой слов, недобрительно наблюдая, как Гелина мать одевает внука. Мальчик уже достаточно большой и давно обязан одеваться сам. Впрочем, излишнюю заботу Вадим теще прощал. Она любила Пашу, а Вадим любил ее. Во всяком случае, относился к ней с большой симпатией. Тетка она была мудрая и веселая, и он искренне недоумевал, как Геля ухитряется почти постоянно с ней ссориться.

Наконец теща застегнула последнюю пуговицу на курточке внука, Вадим взял мальчика за руку, попрощался и вышел на лестничную площадку.

— Папа! — Паша недовольно выдернул руку, желая самостоятельно нажать на кнопку вызова лифта. Со всем недавно Вадиму приходилось поднимать сына, чтобы он мог дотянуться до кнопки, и вот он уже вырос и справляется сам.

— Паша! — решил Вадим, усадив сына в машину. — Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— О чем? — без любопытства посмотрел на него сын.

— У меня сейчас небольшие неприятности, — Вадим положил руки на руль, а потом зачем-то по рулю постукал.

— У нас теперь не будет денег, да?

— Нет. Деньги у нас будут, — через силу улыбнулся Вадим. — Просто... Некоторое время тебе придется не выходить на улицу одному.

Геля уже пару лет отпускала Пашу гулять во двор одного или с соседскими детьми. Жена старалась растить парня смелым и самостоятельным. Вадим к этому спокойно относился, даже приветствовал. В конце концов, над ним в детстве тоже никто не трясся, и ничего.

— Тебе нельзя пока выходить из дома без взрослых.

— Меня похитить могут, да?

Сын смотрел серьезно, по-взрослому. Вадим потрепал его по голове.

— Не думаю. Но в таких делах лучше перестраховаться. Просто никуда не ходи один, пока я не разберусь со своими неприятностями.

— Папа! — на личике сына появилось незнакомое выражение. Он похож на меня, почему-то с удивлением заметил Вадим. Сын сжался в своем кресле, сделавшись удивительно похожим на маленького Вадима с фотографий, которые родители бережно хранили в многочисленных альбомах. — А тебя не убьют?

— Нет! — быстро ответил Вадим. — Глупости! Не придумывай!

Наверное, надо было сказать как-то по-другому, но как, Вадим сразу и не сообразил.

— У взрослых случаются неприятности — это обычное дело. От тебя сейчас требуется только никуда не ходить одному. Никуда, Паша. Кто бы тебя ни позвал, не выходи один из дома. Это ненадолго. Обещаешь?

Мальчик старательно закивал. Вадим повернул ключ в замке зажигания.

— И вот еще... Давай маму пугать не будем — этот разговор останется между нами.

Паша опять покивал. Вадиму очень хотелось обнять сына, но он уже тронулся с места.

Если вчерашний день Катя смогла хоть как-то занять, то в воскресенье сделалось совсем тоскливо.

— Приезжай к нам, — предложила мама, которая неведомым образом всегда угадывала Катину настроенность.

«Навестить родителей лучше, чем тосковать дома», — подумала Катя. Быстро оделась, вышла на улицу и направилась к остановке. Родители жили недалеко — две станции по той же ветке, и в хорошую погоду Катя вообще ходила к ним пешком. Но сегодня погода не располагала к прогулкам, было сыро и промозгло, шел мелкий, еле заметный дождь, и если к вечеру подморозит, тротуар превратится в каток. Поэтому Катя решила дожидаться троллейбуса.

— Ты с Севой давно разговаривала? — едва открыв дверь, спросила мама. — Уже несколько дней не могу ему дозвониться. Я очень беспокоюсь.

— Ну и зря, — вышел из комнаты папа, чмокнул Катю в лоб. — Сева взрослый дядька, и беспокоиться о нем не надо.

— Костя! — возмутилась мама. — Как же так? У мальчика три дня не отвечает телефон!

— Он не мальчик!

— Он просто не отвечает на звонки или отключил телефон? — вмешалась в спор Катя.

Родители всегда спорили, но при этом очень любили и уважали друг друга.

— Телефон отключен, — доложила мама.

— Забыл зарядить, — пожал плечами Катя. — Жди неделю. Неделя пройдет, тогда начнешь волноваться.

Мама вздохнула, а Катя ей посочувствовала: Севины родители — мамина сестра Наташа с мужем дядей Фёдором, несколько дней назад уехали отдыхать. Их сын Сева клятвенно обещал тетке, то есть Катиной маме,

звонить раз в неделю, но, как видно, сдержать обещание не спешил.

— Катюша, пойдем завтракать, — жалобно попросил папа. — Я сейчас от голода помру.

— Не помрешь! — отрезала мама.

Готовить мама не любила, и кулинаркой была никакой. Чаще всего она покупала полуфабрикаты — мороженые котлеты, пельмени и прочую ерунду. Но ерунда эта, побывав в маминых руках, почему-то всегда оказывалась очень вкусной. Вот и сейчас Катя с удовольствием съела две румяные, с поджаристой корочкой котлеты с картошкой, а потом с таким же удовольствием выпила чаю с пирожными.

— В моего начальника в пятницу стреляли на улице, — наевшись, поделилась новостями Катя. — Только не попали. С ним все в порядке.

— Ничего себе! — присвистнул папа.

— Костя! — возмутилась мама отсутствием сочувствия к чужой беде.

— В него стреляли из проезжающей машины.

— Вернулись лихие 90-е, — констатировала мама.

— Они никуда не уходили, — проворчал папа.

— Костя!

Сидеть с родителями было хорошо. Катя боялась, что мама спросит про Сашу и придется объяснять, почему он поехал к другу на дачу без нее. Но мама не спросила — она была тактичной, хотя и дергала постоянно папу.

Когда Катя вышла от родителей, уже стемнело. Слава богу, не похолодало, а асфальт успел просохнуть после утренней мороси. Катя спустилась в метро, но поехала не домой, а к двоюродному брату Севе. Наверное, склонность к беспокойству без причины у нее наследственная, передалась от мамы.

Квартиру Всеволод снимал. Катя была в гостях у брата лишь однажды, когда он только въехал в эту квартиру. Катя тогда вызвалась помочь с уборкой и несколько часов мыла окна, драила полы и отчищала сантехнику.

— Да кончай ты! — попытался урезонить ее лежащий на стареньком хозяйском диване Сева. — Все нормально. Меня устраивает.

Катя настаивала, чтобы брат этот диван выбросил и купил новый. Сева обещал, но Катя не знала, выполнил он обещание или нет. Закрутилась и забыла спросить.

Идя от метро к панельной девятиэтажке, она дважды набирала номер брата, но электронный голос сообщал, что аппарат находится вне зоны действия сети, и предлагал оставить сообщение на автоответчике.

Сообщения Катя не оставила. Постояла у подъезда, пытаясь вспомнить цифры кодового замка. Не вспомнила, но ей повезло — из подъезда вышла старушка с маленькой собачкой на руках, и Катя юркнула внутрь.

На третий этаж она поднялась пешком и долго нажимала кнопку звонка. Странно. На улице она не зябла, а сейчас, стоя у запертой двери, почувствовала, что совершенно замерзла. Даже пальцы заоченели, как в тридцатиградусный мороз.

Из соседней квартиры вышел хмурый дядька. Не обратив на Катю никакого внимания, вызвал лифт и уехал.

Постояв еще немного, Катя спустилась вниз и поехала домой, стараясь отогнать нахлынувшую тревогу.

Света в своих окнах она не заметила, и только поворачивая ключ в замке, поняла, что вернулся Саша.

— Катька! — возлюбленный вышел в прихожую и обнял ее, не давая раздеться. — Катюха! Я так соскучился!

Катя поцеловала его в нос и, высвободившись из объятий, сняла куртку.

— У Севы телефон не отвечает.

— Я так соскучился, — Саше не было никакого дела до Катиного брата. Он снова обнял девушку, но тут звонил его телефон.

Катя посторонилась, пропуская парня к вешалке. Саша вытащил из кармана куртки телефон и прошел на кухню.

— Привет! Извини, не смог... Не смог вырваться, не обижайся... Подарок за мной... На неделе встретимся. Пока!

Сашины реплики она слышала очень хорошо, а когда следом за ним вошла в кухню, то успела заметить на дисплее знакомые номер телефона и имя абонента. Это был тот самый Николай, на даче которого ее молодой человек якобы провел выходные. Катя много раз видела, как он отвечал на вызов друга или сам ему звонил.

— Я соскучился... — прошептал Саша.

Катя не спросила, где же в таком случае он был. Не потому, что они пока еще не женаты и она не вправе требовать отчета. Просто спрашивать было противно.

27 ноября, понедельник

Вадим отвез сына в школу сам. Утром, когда Геля будила Пашу, нахлынула такая тревога, справиться с которой показалось невозможным. Он и не пытался.

— Не одевайся, — сказал он жене. — Сегодня я Пашу отвезу.

Жена подняла на него удивленные глаза. Вадим любил приезжать на работу рано и злился, когда что-то его задерживало. Геля тут же отвернулась, но он понял: ей очень не понравилась его затея — жена считала его паникером.

Все-таки Геля умница! Ненужных вопросов при ребенке не задала, заставила Пашку доесть творожок и,

как обычно, торопила, требуя пошевелиться быстрее. Творог сын не любил, и Вадим хорошо мальчика понимал — сам его терпеть не мог, но с женой не спорил. Геля говорила что-то про необходимый организму кальций, и Вадим молча соглашался.

— Ничего не забыл? — спросил он у сына, когда тот надевал ранец.

— Не забыл.

Взял мальчишку за руку, но тут же отпустил — не хотел, чтобы ребенок почувствовал, как Вадиму за него страшно. Но справиться со страхом не получалось, и в лифте он придерживал сына за плечо.

На улице шел дождь со снегом, от острой белой крупы хотелось зажмурить глаза.

— А в Южном полушарии сейчас весна, — не глядя на Вадима, заметил сын.

— Угу, — подтвердил Вадим и мечтательно предложил: — А давай в новогодние каникулы поедem в Южное полушарие. Там как раз лето будет. Хочешь?

— Хочу, — посмотрел на него Паша, быстро улыбнулся и уточнил: — С мамой?

— Конечно, с мамой, — кивнул Вадим. — Куда же мы без мамы!

Всю дорогу до школы они перебирали страны, в которые могли бы отправиться. И Вадим с удивлением понял, что семилетний сын знает географию не хуже его самого. Впрочем, знатоком географии он никогда и не был.

— Паша... — обратился к сыну Вадим, притормаживая у ворот школы.

— Я все помню, папа! — успокоил его мальчик.

Вадим дождался, когда за сыном закроется дверь, тронул машину и заставил себя переключиться на служебные дела.

Никаких срочных дел в этот день у Вадима не было. Оказавшись в своем кабинете, он просмотрел принесенные секретаршей бумаги, открыл электронную почту, ответил на несколько писем.

А потом достал старую бумажную записную книжку, которую предусмотрительно захватил из дома, и начал выискивать номера телефонов, обладатели которых могли вывести его на Никиту Алфёрова.

Телефона самого Никиты в книжке не было. Раньше Вадим помнил его номер наизусть, а сейчас попытался воскресить в памяти цифры и не смог. Да и если бы вспомнил, смысла в этом не было никакого. Десять лет назад Никита уехал в Штаты и едва ли все эти годы сохранял за собой российский билайновский номер.

Десять лет назад Вадима и Никиту развела жизнь. Время от времени они перезванивались и даже иногда встречались, но с каждым годом все реже и реже. Вадим тогда встретил Гелю, все время проводил с ней, собирался жениться. А Никита не мыслил своей жизни без Нади, которая умирала. Никита об этом знал, но отказывался верить.

По-настоящему они дружили давно, в институте. Небольшая компания: Вадим, Никита с Надей да еще несколько парней и девчонок. На самом деле это Надя ходила за Никитой хвостиком, ловя каждое его слово. Но почему-то казалось наоборот, будто Никита за ней бегаёт и он смотрит ей в рот. Вадим тогда не представлял их по отдельности.

В дверь кабинета постучали. Он отложил записную книжку, поморщился. Вдруг это Катя Базутина, а ему сейчас вовсе не улыбается обсуждать недавний инцидент со стрельбой. Оказалось, секретарша принесла бумаги. Вадим перекинулся с ней парой слов и понял, что все-таки он ждал Катю и увидеть девушку ему очень хочется.

Секретарша вышла. Он снова открыл старую записную книжку, немного подумал и, достав телефон, набрал нужный номер:

— Привет! Это Вадим Корышев. Помнишь такого?

Вадим улыбался: пусть не сразу, но все же он узнал голос собеседницы.

В первый момент женщина удивилась, но быстро вспомнила Вадима, засмеялась и заахала. Когда-то она была лучшей Надиной подругой. Во всяком случае, Вадиму так казалось. Потратив несколько минут на соблюдение приличий, он перешел к главному:

— Ты не знаешь телефона Никиты Алфёрова?

— Нет, — услышал он. — Он же за границу уехал. Давно уже. А помнишь...

Пришлось поддержать беседу о студенческих проказах и шалостях, прежде чем набрать следующий номер.

Геля не могла не нервничать, хоть и старалась не поддаваться тревоге. Понимала, что в перестрелку на улице муж попал случайно, — не то у него положение в обществе, чтобы на него кто-то охотился, но все равно было беспокойно.

Лучше бы сама отвезла Павлика в школу. Все-таки занятие, отвлекает от мрачных мыслей.

Геля, прикинув, как скоро Слава доберется до работы, дождалась десяти часов и набрала его номер. Раньше звонить не имело смысла — Слава, будучи очень аккуратным водителем, не любил, чтобы кто-то или что-то отвлекало его, и на звонки, находясь за рулем, не отвечал.

— Приезжай немедленно! — велела Геля. — Через час.

Куда приезжать, уточнять не имело смысла — речь всегда шла об «их» квартире. За час она как раз успеет добраться до любовного гнездышка.

Ей хотелось немедленно с кем-то поговорить. Перестать сдерживаться, не притворяться спокойной и уравновешенной, а выплеснуть накопившиеся эмоции.

— Я не смогу, — неожиданно отказался Слава. — У меня сегодня напряженный день.

— Брось все дела! — с трудом сдерживаясь, приказала Ангелина.

Она редко кому-то приказывала. Пожалуй, даже никогда. А Славе не только не приказывала, но и просила его о чем-то редко. Но сейчас его отказ показался Геле практически предательством. Три года назад он вряд ли стал бы так себя вести. Видно, сама виновата, коль чувствует любовник ее зависимость.

— Не могу!

— Через час! — тихо и твердо повторила Геля.

— Ты хочешь сорвать сделку с «Сименсом»? Контроллеры нам больше ни к чему? — заметно нервничая, зашипел Слава. — Это запросто. Сейчас все брошу и к тебе поеду!

— Славик, у меня неприятности, — Геля почувствовала, что сейчас заплачет.

Она не помнила, когда плакала в последний раз, но в настоящий момент чувствовала себя несчастной, одинокой и брошенной. Ни муж, ни любовник ее не понимали и не хотели утешить.

— Что случилось? — уже мягче спросил Слава.

— В пятницу Корышева пытались убить...

Геля путано повторила услышанную от мужа историю.

— Слава, я боюсь!

— Черт возьми! — любовник заговорил почти шепотом. — Нам нельзя сейчас встречаться! Ты что?! Не понимаешь?

— Почему? — тоже прошептала непослушными губами Геля.

— О господи! Не будь душой! Во сколько все это случилось? В два? Ладно, я в это время был в офисе...

— Слава, что ты несешь? — Геле удалось справиться с собой.

— Ты в самом деле дура? Ты сейчас первая на подозрении! И я тоже...

«Господи, какая дикость!» — успела подумать Геля, но потом поняла, что любовник абсолютно прав. Если полиция узнает про их связь, все может обернуться наилучшим образом. Она действительно может попасть под подозрение.

Про Вадима думать было еще страшнее, чем про полицию. Вадим не простит. А если и простит, она перестанет быть для него ангелом, и это равносильно полному краху всей ее жизни.

До боли закусив губу, Геля наскоро распрощалась со Славой и принялась метаться по квартире. Случалось с ней такое, когда она сильно нервничала.

Все плохо! Все очень плохо, и помочь ей некому. Просто тошно от происходящего!

Хорошо еще, никто не знает про ее связь со Славой. Хотя, может быть, многие уже и догадываются. В офисе наблюдательные сотрудницы могли что-то подметить, или вот еще — пару лет назад она чуть было не проговорилась институтской подружке. Они тогда славно посидели в кафе, выпили больше нужного, и у Гели чуть было не развязался язык, только чудом она удержалась от опрометчивого признания.

Наконец перестав метаться, Геля прошла на кухню, накапала в рюмку валокордина. Помедлила и вылила лекарство в раковину. Она же не обычная тетка-истеричка! Нет!

Геля снова взялась за телефон: